

ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ ГЕНЕЗИСА КОГНИТИВНОЙ МЕТАФОРЫ

Н.А. Илюхина

г. Самара, Российская Федерация

В статье показан дискурсивный аспект происхождения когнитивной метафоры. На материале нескольких когнитивных метафор представлена логика происхождения метафор на базе компонентов гештальтов чувств, ума, семьи, суточного времени, показан дискурсивный механизм трансформации метонимической модели в метафорическую. Обоснованы возможности дискурсивного подхода в объяснении аспекта трансформации метонимического выражения в метафорическое через соотношение сознаний участников коммуникативного процесса.

Ключевые слова: когнитивная метафора, метонимическая модель, метафорическая модель, концепт, гештальт, дискурс.

DISCURSIVE ASPECT OF GENESIS OF COGNITIVE METAPHOR

N.A. Iliukhina

Samara, Russian Federation

In the article the discursive aspect of origin of cognitive metaphor is shown. On the material of some cognitive metaphors the logics of origin of metaphors on the basis of gestalt of senses, mind, family, time of day is presented; the discursive mechanism of transformation of metonymical model into metaphorical one is shown. The possibilities of discursive approach in explaining the aspect of transformation of metonymical expression in the metaphorical one through the correlation of consciousness of participants of communicative process are justified.

Key words: cognitive metaphor, metonymic model, metaphorical model, concept, gestalt, discourse.

Введение. В языковой системе есть явления, которые открывают свои ранее неизвестные грани в свете новых методологических парадигм. К числу таких феноменов относится метафора. Долгое время в науке ее не считали сложным феноменом, поскольку видна была лишь одна из ее сторон. Однако со временем она предстала как сложное по своей природе явление, которое для своего познания потребовала нескольких исследовательских призм. Первоначально метафора привлекла внимание преимущественно своей функциональной стороной – в качестве выразительного средства, затем – как способ образования новых значений и даже как средство словообразования.

Цель и задачи. Что же касается механизма метафорообразования, то для его выявления потребовалось несколько разных исследовательских пара-

дигм: лексикологическая, семасиологическая, когнитивная и дискурсивная. Начиналось постижение сути метафоры с внимания к векторам переноса имени на основе сходства и систематизации метафорических моделей.

Семасиологический подход впоследствии обеспечил изучение семантического механизма метафоры – трансформацию семного состава слова. Например, при сопоставлении выражений *нахлынули волны – нахлынули воспоминания* можно констатировать трансформацию семы «перемещение» в абстрактную сему «динамика»; актуализацию одних сем при нейтрализации других, неактуальных сем; изменение статуса сем в составе семемы и т.д.

Выявленная картина одинаково точно характеризует любой тип метафоры: номинативную, образную, оценочную, когнитивную и т.д. Однако выяснилось, что один из типов метафоры – когнитивная метафора – не поддается интерпретации в рамках семасиологической парадигмы: невозможным оказывается объяснить, как именно произошло образное отождествление двух сущностей.

Методы и материалы. Исследование генезиса когнитивной метафоры проведено с использованием концептологического метода и метода-дискурса-анализа на материале, извлеченном из текстов разных стилей и жанров.

Результаты исследования. Метафора, как известно, понимается как результат переноса слова с одной реалии на другую на основании сходства между ними. Это означает, что сходство между реалиями, уловленное сознанием, является основанием для переноса названия (*подошва горы; горлышко бутылки; солнце заглядывает в окно*). Такому пониманию отвечают многие типы метафоры (которые образно отождествляют две чувственно воспринимаемые реалии), но не когнитивная метафора. Когнитивная метафора концептуализирует знания об абстрактной реалии по аналогии с конкретной, чувственно воспринимаемой. В проекции на язык когнитивная метафора интерпретируется как результат сдвига в сочетаемости предикатных слов: *по телу струилась нежность; храм души; кладовые памяти; догорает вечер; уходит день*.

В рамках семасиологического подхода не удастся объяснить причину «сдвига в сочетаемости», поскольку изначального сходства (которое послужило бы основанием для отождествления) между эмоцией и жидкостью, душой и храмом, памятью и кладовой, временем и огнем не существует.

Сходство в таких условиях, как указывает Н.Д. Арутюнова, может быть установлено (а по сути – создано) сознанием **после** отождествления абстрактной и конкретной реалий: «Человек способен не только идентифицировать индивидные объекты (в частности, узнавать людей), не только устанавливая сходство между областями, воспринимаемыми разными органами чувств (ср. явление синестезии: *твердый металл и твердый звук, теплый воздух и теплый тон*), но также улавливать общность между конкретными и абстрактными объектами, материей и ду-

хом (ср.: *вода течет, жизнь течет, время течет, мысли текут* и т. п.). В этих последних случаях говорят о том, что человек **не столько открывает сходство, сколько создает его**» [1, с. 8-9]. (Выделено нами. – Н.И.).

Есть основания утверждать, что отождествление абсолютно разных по природе реалий происходит на иных основаниях – на основаниях смежности между конкретным и абстрактным.

Интерпретация этого процесса во многом плодотворно и убедительно осуществляется в рамках лингвокогнитивной парадигмы, которая как раз ориентирована на выход за рамки системы языка и рассмотрение языковых процессов в связи с процессами ментальными. Сам термин *когнитивная метафора* означает, что она образуется именно на когнитивном (ментальном) уровне и на речь лишь проецируется.

Базовую роль в этом процессе играет такой тип концепта, как гештальт, который представляет собой «целостный ментальный образ, единицу знания, которая совмещает в себе чувственные и рациональные компоненты в их единстве и целостности, как результат целостного, нерасчлененного восприятия объекта или ситуации <...>» [2, с. 57]. Так, в концептах чувств знания понятийного характера о радости, гнев, страсти совмещаются со знанием о связанных с ними физиологических симптомах (динамике кровотока, слезах, влиянии определенного рода напитков); знания о душе, уме, памяти – с представлением об их локализации в пределах тела, головы, сердца; знания о семье как системе отношений – с представлением об их семейном доме). Эти связи осмысляются как отношения естественной смежности при восприятии этих сущностей и непосредственно отражаются в языковых и речевых фактах. Рассмотрим некоторые из них.

При рассмотрении образной концептуализации сферы чувств обратимся к материалам фразеологии, дающим представление о происхождении ключевой для этой сферы когнитивной метафоры. Чувства отражаются в языке через связь с телесно-физиологической симптоматикой, играющей огромную роль в гносеологии эмоций. Отметим связь эмоций и изменения кровотока, давления, ритма сердцебиения, температуры, цвета кожи; их проявлений в виде слез, смеха, мимики, подвижности или статичного положения тела. Реконструкции процесса помогают устойчивые выражения и семантическая структура многозначных слов – те и другие **сохраняют мотивирующие связи** между эмоциями и соматическими жидкостями (кровью, желчью, слезами).

Остановимся на примере метафоры жидкости, которая является одним из ведущих способов концептуализации знаний об эмоциях. Фразеологизмы, называющие эмоциональное состояние, часто содержат в своем составе лексему *кровь*, демонстрируя связь эмоций с состоянием кровотока и тем самым указывая на истоки ключевой метафоры этой сферы: *кровь бросилась (кинулась, ударила) в голову* кому-л. («кто-л. пришел в исступление, сильное

возбуждение и т.п.»); **кровь** *играет* (*кипит, бродит, горит, бурлит*) в ком-л. («кто-л. испытывает сильное волнение, охвачен страстью, порывом чувства и т.п.»); **кровь** *стынет* (*леденеет, холодеет*) в жилах у кого-л. («кто-л. испытывает чувство страха, ужаса»); *сердце* **кровью** *обливается* у кого-л. («кому-л. невыносимо тяжело от душевной боли, чувства сострадания, жалости, шемящей тоски и т.п.»); *портить* **кровь** кому-л. («причинять неприятности, огорчения»); *портить себе* **кровь** («нервничать, раздражаться, огорчаться»). Подробнее об этом см. [3; 4]. Из приведенных примеров, в структуре и семантике которых зафиксирована связь между чувством и кровотоком, очевидно, что именно представление об этой соматической жидкости мотивирует появление когнитивной метафоры *чувство – жидкость*.

Приведем в качестве примера толкование значений многозначного слова *желчь*, называющего другую соматическую жидкость, влияющую на психоэмоциональный фон человека, и состояние, обусловленное избытком этой жидкости в организме: 1. Желто-зеленая или темно-коричневая горькая жидкость, выделяемая печенью. 2. Раздражение, злоба. *В его словах столько желчи и злобы! Желчь накопилась в душе. Желчь душит кого-л. Излить на кого-л. свою желчь и досаду. Сказать что-л. с желчью, злобой* [6]. Так на базе выражений, фиксирующих физиологическую природу эмоций, формируется метафорическая модель жидкости, ключевая для данной сферы – обладающая регулярной воспроизводимостью и имеющая тенденцию к развертыванию и варьированию, ср.: *гнев / страсть / ярость бурлит, излить / выплеснуть гнев / раздражение* и т.д.

Очевидность истоков ключевой метафоры позволяет провести анализ конкретного механизма ее генезиса. Рассмотрим его на примере ФЕ *наливаться кровью* в его соотношении с метафорой *наливаться гневом*, которые имеют одно и то же значение. Выражение *наливаться гневом* является производным от ФЕ *наливаться кровью* и возникает в результате замены слова *кровь* на слово *гнев*, которые в данной ситуации связаны отношениями естественной смежности. Но эта незаметная подмена (значение выражения при этом не меняется) приводит к порождению когнитивной метафоры: абстрактное понятие гнева моделируется через образ некой жидкости. Покажем, что акт такой подмены названия конкретной реалии названием абстрактной реалии в устойчивых сочетаниях имеет регулярный характер: *портить себе кровь* («нервничать, раздражаться, огорчаться») → *портить себе настроение*; *кровь кипит* → *страсть кипит*; *хлынули слезы* – *хлынули чувства*; *держат на кого сердце* → *держат на кого обиду, злость*; *срывать сердце на ком* → *срывать на ком свой гнев, раздражение, зло, плохое настроение*; *с легким / тяжелым сердцем* → *с легким / тяжелым чувством*; *в сердцах* («в порыве гнева, раздражения») → *в раздражении, в гнев*.

Аналогичная картина наблюдается при концептуализации умственной сферы. В значении слова *голова* метонимически связаны ЛСВ «часть тела» и «ум, рассудок, сознание» (ср.: *опустить голову – иметь хорошую голо-*

ву). Смежность этих двух значений подчеркнута в структуре и семантике ФЕ *иметь голову на плечах* «быть умным, сообразительным» [6]. Метафорическое осмысление ума, сознания происходит с опорой на представления о голове как части тела, о голове как вместилище: *производит вычисление в уме*, и далее – *в мыслях этого не было, внедрить в сознание, проникнуть в чье-либо сознание* и т.д. Есть недифференцированное семантическое воплощение слова *голова*: *в голове ворочалась одна мысль*. При этом обращает на себя внимание синонимия выражений *Из головы* (= *из ума*) *не идет вчерашний разговор; Кому же в голову* (= *в ум*) *такое придет? И кому же в ум пойдет на желудок петь голодный!* (И. Крылов); *В голове = в уме = в мыслях* – лишь *танцы*. Так рождается метафорическая модель *ум – вместилище*.

Проиллюстрируем аналогичную закономерность в возникновении когнитивной метафоры *семья – вместилище*. Она возникает на основе представлений о смежности семьи и ее семейного дома. Слово *дом* наряду со значением «здание, строение» включает метонимически производные значения «жилыцы одного дома», «семья» и др.: *разбудить весь дом, дружить домами, гостеприимный дом*. На основе тесной связи между представлениями о доме и живущих / работающих в нем людях складывается метафорическое моделирование семьи по аналогии с домом: *строить семью, фундамент семейных отношений, уйти из семьи* (не *от семьи*). Таким образом, отношения смежности между домом и его обитателями в сознании определяют метонимическое обозначение и метафорическое осмысление семьи. При этом, заметим, с метонимией при обозначении семьи последовательно коррелирует когнитивная метафора: *О чем я думал, сидя у гроба покойного почти до самых сумерек? Конечно же о нем прежде всего, о его жизни, ... да и о родичах его тоже ...какая потеря их постигла, что выпал стержень, державший всю постройку, и семья немедленно развалится, расплзется по разным углам* (В. Астафьев); *Не праздное любопытство влечет заглянуть в нее [драму жизни], не желание насильственно раскрывать двери частной жизни* (А. Кони); *...говорят, первый брак – дело ненадежное и легко разваливается* (Комс. правда).

Подобная закономерная связь между абстрактным понятием и смежными с ним чувственно воспринимаемыми показателями, предопределившая формирование ключевых когнитивных метафор, наблюдается в сфере образной концептуализации суточного времени: *суточное время – перемещающийся предмет* (1) или *пылающий предмет* (2). Оба образа восходят к представлению о солнце, которое в картине мира является основным показателем динамики суточного (прежде всего дневного) времени. Например:

(1) *Она любила на балконе Предупреждать зари восход, Когда на бледном небосклоне Звезд исчезает хоровод, И тихо край земли светлеет, И, вестник утра, ветер веет, И всходит постепенно день* (А. Пушкин); *Вот и еще один день уходит*: уходит солнце → уходит день; *...Проглянет день как будто поневоле И скроется за край окружающих гор...* (А. Пушкин);

Что тебе снится, крейсер «Аврора», в час, когда утро встает над Невой? (М. Матусовский); *Солнце совершило свой обычный обход дома. День созрел и стал склоняться к вечеру* (В. Набоков).

(2) *Догорает закат; Догорает день; Догорал вечер; В небе ясном заря догорала* (Н. Кооль); *Горит восток зарею новой* (А. Пушкин); *Пылает небосвод; Погасло небо осеннее...* (А. Блок); *Угасал длинный летний день...* (А. Щукин); *Усталое солнце уходило от мира, спокойно проплыл свой полдень и утро, и угасающий день пленительно и ярко румянился* (Н. Гоголь).

Итак, роль когнитивного подхода к реконструкции генезиса когнитивной метафоры велика. Во-первых, когнитивный взгляд на этот процесс приводит к выводу о решающей роли акта восприятия реалии сознанием, которое отражается в структуре концепта – знаниях о данной реалии, в которых она запечатлена с опорой на смежные с ней реалии, в том числе – что особенно важно в данном случае – связи абстрактного понятия с теми сенсорно воспринимаемыми реалиями, сквозь призму которых или в связи с которыми сознание ее воспринимает. Именно поэтому для акта концептуализации абстрактного понятия средствами метафоры отношения смежности с сенсорно воспринимаемой реалией играют основополагающую роль. Иными словами, становится ясно, что первичное отождествление двух сущностей принципиально разной природы происходит на основе смежности, имеет метонимический механизм (чувства = кровь, слезы; ум, сознание = голова; чувства = сердце; семья = дом (ее жилище); суточное время = солнце). Во-вторых, когнитивный взгляд позволяет понять, как происходит выбор конкретного образа на роль ключевой метафоры, концептуализирующей абстракцию.

Однако для полноты воссоздаваемой картины генезиса когнитивной метафоры недостает объяснения **момента превращения (трансформации) отношений смежности в отношения сходства**, объяснения **момента рождения** собственно метафоры и ее дальнейшего функционирования. Этот фрагмент общей картины способен интерпретировать дискурсивный подход к анализу. По оценке Мишеля Фуко, дискурсивные высказывания в бессубъектном дискурсе «живут своей жизнью», они могут повторяться, расщепляться, трансформироваться, перемещаться в поле дискурса, предаваться забвению [7, с. 111].

Н.Д. Аругтонова справедливо связывает процессы, происходящие в «бессубъектном дискурсе», с обобщенно понимаемым сознанием участников коммуникации. Конкретизируя ставшее после ее определения широко цитируемым выражение *Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь»*, она пишет: «Одной своей стороной Д обращен к прагматической ситуации, которая привлекается для определения связности Д, его коммуникативной адекватности, для выяснения его импликаций и пресуппозиций, для его интерпретации. <...> Другой своей стороной Д. обращен к ментальным процессам коммуникации: этнографическим, психологическим и социокультурным правилам и стратегиям порождения и понимания речи в тех или иных условиях (англ.

discourse processing), определяющих необходимый темп речи, степень ее связности, соотношение общего и конкретного, нового и известного, субъективного (нетривиального) и общепринятого, эксплицитного и имплицитного в содержании Д., меру его спонтанности, выбор средств для достижения нужной цели, фиксацию точки зрения говорящего и т.п.» [1, с. 137].

В картине трансформации метонимического выражения в метафорическое недостающий фрагмент высвечивается при внимании к аспекту взаимодействия сознания говорящего и сознания реципиента – соотношение порождения смысла, его дешифровки другим субъектом и последующего воспроизведения высказывания с долей его трансформации.

Обратим внимание на эффект, возникающий на этапе порождения речи сознанием, воспринявшим и дешифровавшим метонимическое высказывание именно как метонимическое. На следующем этапе это сознание, выступающее как порождающее, воспроизводит исходное выражение с его трансформацией: *налился кровью – налился гневом*. Тем самым говорящий «проясняет» смысл устойчивого выражения, заменяя название крови как физиологического симптома гнева на прямое обозначение гнева). Ср. также замены *сказал в сердцах на сказал в раздражении; из головы не выходит на из ума не выходит; ушел из дома на ушел из семьи*, которое более точно обозначает ситуацию; *все в его руках на все в его власти; уходит солнце на уходит день*. В этой незаметной для воспринимающего сознания подмене слов *кровь на гнев, голова на ум, сердце на раздражение, дом на семья, руки на власть, уста на речь, солнце на день* происходит столь же незаметное превращение метонимического выражения (метонимической модели) на метафорическое (метафорическую модель). Тем самым рождаются метафорические модели *чувства – жидкость, ум –местилище, семья –местилище, время – движущийся предмет*.

Воспринимающее сознание осмысляет отождествленные сущности не только с точки зрения их смежности (это факт и его сознания; в его ментальной сфере то и другое – элементы одного концепта-гештальта), но и с точки зрения их сходства. Дело в том, что сознание нуждается в средствах многостороннего осмысления (концептуализации) абстрактной сущности. Эту функцию способна выполнить только когнитивная метафора – не метонимия. Именно в этот момент, когда в сознании произошло отождествление двух сущностей (на основе смежности), подключается операция сравнения этих сущностей, сравнение, как известно, – один из важнейших актов процесса познавательной деятельности сознания. Результатом акта сравнения является «обнаружение» целого ряда общих свойств, среди тех, что относится к метафорической модели *чувство – жидкость*, – динамичность жидкости и эмоций, стихийность, разная мера интенсивности, трансляция вовне и др.

Повторим: рожденная когнитивная метафора оказывается гораздо более востребованной, чем метонимия, т.к. удовлетворяет потребность в многосто-

роннем осмыслении абстракции. Эта настоятельная потребность обеспечивается варьированием метафорического образа – семантическим и лексическим, например: ...*И в сердце чувствую такой прилив любви...* (А. Фет); *Тревога за жизнь любимого сверлила мозг, не покидала ее днями, навевдалась и ночью, и тогда то, что копилось в душе, взнуданное до времени волей, – рвало плотины: ночь, всю дотла, билась Аксинья в немом крике, в слезах...* (М. Шолохов); *Стихия сладострастия бурлит в Мите...* (В. Кантор); ...*чувствуя всем сердцем своим, как надежда вливается в его сердце* (Ф. Достоевский). Заметим, что закономерное варьирование характерно только для когнитивной метафоры, которая имеет функцией многостороннюю концептуализацию абстрактной сущности.

Именно в дискурсивном пространстве в свою очередь массовое воспроизведение метафорической модели способствует забвению исходной мотивации метафоры (связи чувств с кровью как их физиологическим проявлением, и т.п.)

Выводы. Дискурсивный аспект интерпретации когнитивной метафоры позволяет восполнить картину генезиса когнитивной метафоры, которая в значительной мере воссоздана на предшествующем этапе интерпретации этого типа метафоры методами семасиологического и когнитивного анализа.

Библиографический список

1. Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: Сборник. М.: Прогресс, 1990. С. 5-22.
2. Арутюнова, Н.Д. Дискурс // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 136-137.
3. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Изд. 4-е, испр. и доп. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.
4. Илюхина, Н.А. Роль отношений смежности в функционировании и генезисе метафоры (когнитивный аспект) // Текст. Язык. Человек: сб. науч. тр. В 2 ч. Ч. 1. / УО МГПУ им. И. П. Шамякина; редкол.: С. Б. Кураш (отв. ред.) [и др.]. Мозырь: МГПУ им. И. П. Шамякина, 2021. С. 92-97.
5. Илюхина, Н.А. О когнитивном аспекте осмысления фразеологической семантики // Славянская фразеология в синхронии и диахронии: сб. науч. статей. Вып. 3. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2016. С. 52-55.
6. Манаенко, Г.Н. Онтология мира дискурса (К проблеме соотношения сознания и идеального) // Язык. Текст: Межвузовский научный альманах. Вып. 2 / Под ред. Г.Н. Манаенко. Ставрополь – ПГЛУ: Пятигорск, 2004. С. 14 – 38.
7. Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998. Публикуется в авторской редакции 2014 года.
8. Фуко, М. Археология знания. Киев, 1996.